

Р. А. БУДАГОВ

(ЛЕНИНГРАД)

К ПОСТАНОВКЕ КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

1

Задачи, стоящие перед лектором, ведущим курс «Введение в языкознание» в нашей высшей школе, чрезвычайно ответственны. Курс этот впервые знакомит студентов с основами сталинской науки о языке. Студенты должны не только усвоить определенную сумму знаний, но и научиться понимать языковые явления¹. Если средняя школа совершенно естественно все свои усилия направляет на то, чтобы учащиеся практически хорошо овладели родным языком, его орфографией и грамматикой, чтобы они могли свободно и ясно излагать свои мысли, то высшая школа, всячески углубляя и расширяя круг практических вопросов, относящихся к родному языку, вместе с тем вводит своих слушателей в новый круг проблем, основанных уже на знании общей теории языка, на знании законов развития и совершенствования языка.

Чрезвычайно важно, чтобы в курсе «Введение в языкознание» практические и теоретические проблемы были глубоко связаны. Студенты уже с первых дней своего знакомства с наукой о языке должны видеть и понимать, как освещает теория путь к практическому овладению языком и как практическое знание различных языков необходимо для самой теории языка, для ее правильного понимания. Вместе с тем, уже с первых лекций по введению в языкознание нужно развивать у студентов умение наблюдать и анализировать различные языковые явления, умение правильно их объяснять, основываясь на общих принципах науки о языке.

Лектор должен сразу же показать, какое огромное значение имеет язык для жизни всего общества. «Звуковой язык в истории человечества, — учит И. В. Сталин, — является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время»². Следовательно, и наука, изучающая язык и законы его развития, имеет очень большое общественное значение. Язык сыграл исключительно важную роль в формировании и развитии самого человека, в образовании общества, в развитии общественного производства. Язык имеет и сейчас огромное общественное значение, как «...орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом.

¹ О месте этой дисциплины в системе филологического образования и ее задачах см. акад. В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, М., 1950, стр. 192 и сл.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 46.

обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»³. Язык, «...будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»⁴.

В курсе «Введение в языкознание» получает подробное развитие сталинское учение об основе языка — о его грамматическом строе и основном словарном фонде. Необходимо сразу же правильно разобраться в соотношении между этими двумя важнейшими сторонами основы всякого языка. На чем основывается взаимодействие между ними? Это взаимодействие основывается на том, что сущность специфики языка — в его грамматическом строе и основном словарном фонде. Но основной словарный фонд тесно связан со словарным составом языка, он способствует его формированию и развитию. Вот почему грамматический строй языка, составляющий вместе с основным словарным фондом сущность специфики языка, через посредство основного словарного фонда сам вступает во взаимодействие со всем словарным составом языка. Конечно, связи грамматического строя языка с основным словарным фондом оказываются более тесными и непосредственными (например, в системе словообразования), чем его связи со словарным составом языка, однако лектор, как и исследователь, не может пройти мимо проблемы взаимодействия грамматики и лексики в целом. Эта же проблема взаимодействия грамматики и лексики возникает и по более общим соображениям: словарный состав — это строительный материал языка, а грамматика — это система, придающая языку «стройный, осмысленный характер». Следовательно, весь словарный состав языка вместе с грамматикой составляют здание языка. Но, подобно тому как во всяком здании конструкция самого здания и материал, из которого сделано это здание, взаимно обусловлены, так оказываются взаимно обусловленными грамматика и словарный состав в системе языка.

Лектор должен показать, что такое понимание взаимодействия между грамматикой и лексикой глубоко и принципиально отличается от марровского истолкования этого же вопроса. Как язык по отношению к мышлению оказывается у Марра «несущественным и преходящим», так и грамматика по отношению к лексике и семантике попадала у него в положение «временной и преходящей» техники; никакого взаимодействия грамматики и лексики не получалось. Н. Я. Марр односторонне сводил грамматику к лексике и не только полностью игнорировал специфику грамматики, но и считал грамматику явлением второстепенным и «формальным». Охарактеризовав взаимодействие грамматического строя языка и основного словарного фонда, лектор должен раскрыть перед своими слушателями специфические особенности каждой из этих важнейших сторон языка. И. В. Сталин учит, что у общественных явлений, кроме общего, «...имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»⁵. Это учение о специфике объекта нашей науки должно быть распространено и на отдельные стороны языка. Нужно говорить не только о специфике языка по сравнению с другими общественными явлениями, но в системе самого языка необходимо определить своеобразие его отдельных сторон. Наличие специфики у грамматики и лексики следует не только из общих сталинских указаний, но и из учения И. В. Сталина о неравномерности развития различных сторон языка: грамматический строй языка развивается иначе, чем основной словарный фонд, а этот последний в свою очередь развивается иначе, чем словарный

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 35.

состав языка. А если различные стороны языка развиваются неравномерно, то, следовательно, у них есть известные специфические особенности, которые и определяют своеобразный характер их исторического развития.

Более того, специфические особенности каждой из сторон языка прямо вытекают и из с а м о й и х п р и р о д ы: природа словарного состава языка (лексика) отлична от природы грамматики и фонетики, природа грамматики отлична от природы словарного состава и фонетики и т. д. Специфика словарного состава определяется тем, что он является «строительным материалом для языка» и «...отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»⁶. В словарном составе языка отражается вся сумма знаний человека о природе и обществе, обо всем окружающем человека мире вещей и явлений.

Специфические особенности грамматики иные. Они предопределяются назначением грамматики, тем, что грамматика «... определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер»⁷. То, что «именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку»⁸, имеет решающее значение для понимания специфики самой грамматики. Грамматика передает различные отношения между словами и сочетаниями слов в предложении. Передавая эти очень многообразные и подчас очень сложные связи и отношения, грамматика сама предстает как «... результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»⁹. Эта особенность грамматики очень важна для понимания ее специфики: выражая связи и отношения, грамматика в то же время является результатом сложной работы человеческого мышления. И это вполне понятно, «...так как свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»¹⁰ Грамматические категории и грамматические форманты, передавая отношения между словами и сочетаниями слов в предложении, сами предстают как «... результат работы человеческого мышления», сами заключают в себе определенные абстрактные грамматические значения. Эта специфика грамматики должна получить всестороннее освещение в теоретическом введении к разделу о грамматическом строе языка.

Природа грамматической абстракции отлична от абстракций, которыми оперирует лексика. И в лексике, разумеется, могут быть абстрактные понятия: *размышление* и *созерцание*, *космос* и *прозрение* — это абстрактные слова. Но абстракции в лексике ограничены кругом тех слов, при помощи которых они выражаются. *Стол* может быть и данным столом, и всяким столом (*стол* вообще), но сама абстракция стола, отвлеченная от связи с данным столом, ограничена предметным представлением о столе. *Размышление* может быть самым различным, но все же понятие о размышлении, выраженное с помощью слова *размышление*, ограничено кругом представлений, относящихся к способу и процессу мышления. Иначе обстоит дело с абстракциями в грамматике. Когда грамматика оперирует понятием подлежащего или сказуемого, она имеет в виду, не конкретное подлежащее, скажем, *стол* или *размышление*, не конкретное сказуемое, скажем, *работаем* или *творим*, а вообще всякое подлежащее или всякое сказуемое. В грамматике исследователь имеет дело с д р у г и м

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 64.

типом абстракции по сравнению с тем, который встречается в лексике. В функции подлежащего может быть и *стол*, и *размышление*, и *вселенная*, и *клубника*. Между тем лексическая абстракция как таковая никак не может одновременно и непосредственно обобщать все эти понятия. Грамматическая абстракция основана на абстракции категорий, а не на абстракции отдельных слов, хотя сами эти отдельные слова могут иметь самое отвлеченное значение. Так и в этом плане наблюдается отличие грамматики от словарного состава языка (от его лексики).

Следовательно, говоря о взаимодействии грамматики и словарного состава языка (лексики), лектор должен отчетливо показать не только то, что определяет характер этого взаимодействия, но и то, что составляет особенности и специфику каждой из взаимодействующих сторон. Правильно понятое взаимодействие не снимает вопроса о самостоятельности каждой из взаимодействующих сторон; такое взаимодействие немислимо без самостоятельности отдельных сторон. В этом — одно из важных и принципиальных отличий научного освещения вопроса о взаимодействии грамматики и словарного состава языка от той догматической и ненаучной постановки его, которая была характерна для Н. Я. Марра и его последователей.

2

Излагая материал «Введения», лектор все время должен стремиться к тому, чтобы картина состояния языка, которую он воссоздает, была бы, по возможности, целостной. Между тем в движении по пути создания этой картины целостности и взаимосвязанности лектору приходится преодолевать немалые трудности. Например, характеризую те или иные грамматические категории, лектор неизбежно выбирает одни из них (прежде всего те, которые указаны в программе) и опускает другие. Возникает не только проблема выбора, но и вопрос о том, как при неизбежных пропусках и опущениях не нарушить у слушателей представления о целостном характере языка как системы.

К этому вопросу примыкает и другой — вопрос о месте и характере определений лингвистических понятий, которыми лектор оперирует в данном курсе. Энгельс не случайно различал дефиниции и определения. Говоря о жизни как о «способе существования белковых тел», он пояснял: «Наша дефиниция жизни, разумеется, весьма недостаточна, поскольку она далека от того, чтобы охватить все явления жизни, а, напротив, ограничивается самыми общими и самыми простыми среди них. Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность. Чтобы дать действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от самой низшей до наивысшей»¹¹. Лектору приходится часто довольствоваться лишь предварительными дефинициями лингвистических понятий с тем, чтобы вернуться к их более углубленному анализу впоследствии, в особом курсе общего языкознания. Энгельс показал, что проблема «исчерпывающего представления» о жизни — это проблема изучения всех форм жизни, от самых простых до самых сложных. Точно так же можно сказать, что проблема «исчерпывающего представления» о грамматической категории — это проблема изучения всей грамматики, всего грамматического строя языка, а проблема «исчерпывающего представления» о значении слова — это проблема изучения всего словарного состава языка и т. д. И это вполне понятно, так как в языке, как и в самой жизни, отдельные стороны и части глубоко между собой связаны.

¹¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 78.

Известно, что материалистическая диалектика в отличие от метафизики требует, чтобы каждый предмет и каждое явление рассматривались во всем многообразии их связей и опосредствований с другими предметами и другими явлениями. И все же, выступая во всем своем многообразии, предмет или явление дают возможность человеку выделить то их свойство, которое в данный момент его наиболее интересует. Наше сознание стремится «ухватиться за главное звено». Поясняя эту мысль в другой связи и отвергая мнение оппортунистов и метафизиков, В. И. Ленин писал: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла...

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины... Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.»¹²

Это положение имеет огромное методологическое и методическое значение. Энгельс считал, что проблема «исчерпывающего определения» жизни должна основываться на исследовании всех форм жизни. Аналогичную мысль подчеркивает и Ленин, указывая, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета...».¹³ Но, анализируя те или иные явления, исследователь должен уметь видеть не только то, что связывает данное явление со множеством других явлений (уметь это видеть необходимо, но этого недостаточно), но и то, что относится к данному явлению как таковому.

Во всех областях языкознания нужно уметь изучать те или иные языковые явления и в их связях и опосредствованиях с другими языковыми явлениями, и вместе с тем в их индивидуальном своеобразии. Между тем методика такого всестороннего анализа языковых фактов у нас еще недостаточно выработалась. Поэтому трудности, стоящие перед лектором, читающим курс «Введения», все еще велики. В разделе лексики необходимо показать, какое важное значение имеет изучение исторических изменений семантики слова в связи с развитием общества, в связи с развитием самого народа, носителя языка. Но группировка различных значений внутри многозначного слова, установление многообразных оттенков между синонимами, процессы сужения и расширения значений и различные другие явления в лексике во многом определяются закономерностями развития и пополнения самого словаря.

Если, например, в языке появляется новое слово, то старое слово, имеющее синонимический контакт с новым, обычно так или иначе изменяется в своем значении. Когда в синонимическом ряду *смелый* — *отважный* — *храбрый* и т. д. появилось новое слово *геройский*, то смысл каждого из данных синонимов тем самым несколько изменился благодаря появлению нового слова, которое частично как бы перетянуло на себя известную часть

¹² В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 71—72.

¹³ Там же, стр. 72.

значений, ранее закрепленных за другими словами этого синонимического ряда, и вместе с тем прибавило к этому ряду новые оттенки значений. Слова всего синонимического ряда как бы потеснились и в известной степени уточнились в своем значении. *Геройский*, в новом значении («исключительно храбрый»), воздействует на значения рядом с ним стоящих слов, и прежде всего на значения слов, находящихся в том же синонимическом ряду (*смелый* тем самым теперь обычно уже имеет значение не «исключительно храбрый, отважный», а просто «храбрый»).

Когда появилось в русском языке заимствованное прилагательное *эмоциональный*, то его синоним *чувственный* соответствующим образом изменился, сузился в своем значении. Теперь говорят, например, *эмоциональная речь*, но *чувственное восприятие*. Прилагательное *эмоциональный* вносит новые оттенки значений и вместе с тем уточняет смысл более старого слова *чувственный*. Это последнее претерпевает изменения потому, что вновь появившееся слово не могло не оказать влияния на близкое по значению слово, уже существовавшее в языке. Следовательно, известное уточнение значения прилагательного *чувственный* — результат влияния на него другого, рядом с ним стоящего слова, результат лингвистической перегруппировки значений. Данные примеры — лишь один из случаев проявления м н о г о о б р а з н ы х в з а и м о о т н о ш е н и й между словами в системе определенного языка. Случаи такого взаимного влияния слов друг на друга могут быть бесконечно разнообразными.

Показав связь словарного состава языка с производством, с условиями материальной жизни общества, с деятельностью человека, лектор должен вместе с тем проанализировать и внутренние условия взаимодействия слов друг с другом.

Курс «Введение в языкознание» должен научить студентов не только правильно понимать природу и сущность языка, законы его развития, но, вместе с тем, он должен вызвать у слушателей любовь к родному языку, сознание того, насколько важно и интересно заниматься изучением различных языков. Лектору следует сразу же заинтересовать студентов проблемами и материалом курса, хотя осуществить это совсем не просто, так как слушателям первого года обучения лингвистика в некоторых своих частях кажется «сухой» и слишком «специальной». Ученый, читающий курс «Введения», должен приложить все усилия, чтобы разбить это глубоко ошибочное представление, показав сложную и многообразную жизнь языка, его непрерывное развитие и совершенствование. Чтобы справиться с этой задачей, следует не только правильно освещать общетеоретические проблемы языка, но и непрерывно подкреплять свое изложение убедительными и яркими примерами. Для этой цели лектор должен постоянно собирать примеры по самым различным языковым вопросам, тщательно выбирая их из литературных произведений известных авторов. Такие примеры будут развивать у студентов наблюдательность и умение анализировать разнообразные языковые явления.

Маяковский в статье «Как делать стихи», желая пояснить различие между логическим ударением и ритмическим членением стиха, приводил в свое время такой пример из А. С. Пушкина. В знаменитых пушкинских стихах («Борис Годунов», сцена у фонтана), в которых самозванец, оскорбленный Мариной, замечает:

Царевич я. Довольно. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться,

нарекание *довольно* должно иметь отчетливо самостоятельное ударение, после которого следует пауза. Без этих условий смысл стиха изменится. Если прочитать «довольно стыдно мне» с одним фразовым ударением,

если лишить наречие *довольно* самостоятельного ударения, то само это наречие приобретает здесь другой смысл: оно уже не будет передавать гнева самозванца, а скорее — его смущение: «довольно стыдно мне», т. е. «несколько стыдно мне». Так поясняется различие между ударением на одном слове и ударением, как бы охватывающим целое сочетание слов. Если в одних случаях ударение на одном слове легко подчиняется ударению фразовому, то в других случаях оно как бы сопротивляется фразовому ударению, сохраняя свою самостоятельность. Хотя Маяковский приводил эти примеры для обоснования своего принципа членения поэтических строк, однако эти же примеры дают возможность разобраться и в сложном вопросе соотношения между различными типами словесного и фразового ударения.

Подобного рода литературные примеры в курсе «Введения» представляются нам очень желательными: студентам они помогут усвоить самый материал, а лектору — заинтересовать студентов, развить у них лингвистическую наблюдательность. Литературные примеры должны быть предложены в большом количестве, в очень разнообразном виде и на практических занятиях, ведущихся параллельно с лекциями. Разумеется, однако, иллюстрациями ни в какой мере не следует заслонять или отодвигать на задний план общетеоретические проблемы курса. Иллюстрации должны лишь делать эти общетеоретические проблемы более наглядными, более доступными, вместе с тем углубляя наше понимание отдельных лингвистических явлений.

3

Приведем теперь для иллюстрации общих положений небольшой конкретный материал, относящийся к одному из разделов «Введения» — к разделу о грамматическом строе языка. Кратко проанализируем лишь две грамматические категории, категорию — рода и категорию числа.

В слове обычно обнаруживается сразу несколько грамматических категорий, что делает всю проблему отношений между грамматическими категориями и вещественным значением слова очень сложной. Следует помнить, что не только семантика не может быть «чистой», выраженной вне языка и помимо языка, но и грамматические категории не могут существовать сами по себе, вне определенной, хотя обычно и очень широкой группировки слов. Другими словами, ряд грамматических категорий и ряд смысловых группировок слов — это не столько параллельные («сопутствующие») ряды, сколько ряды пересекающиеся, взаимодействующие. Это взаимодействие, впрочем, не мешает каждому из этих «рядов» сохранять и свою специфику, свое своеобразие.

Грамматическая категория рода или шире — категория именного класса, распространена в самых разнообразных языках мира. Не понимая сущности грамматики, акад. Марр вульгарно-социологически рассматривал эту категорию, связывая ее возникновение лишь с определенными «общественными отношениями». Н. Я. Марра совершенно не интересовало абстрактно-грамматическое значение этой категории, то, как она функционирует в разных языках, как выражается, что и как она оформляет, обобщает, типизирует. Марр просто навязывал выдуманные им «социологические эквиваленты» всем языкам и тем самым искажал эти языки, приписывал им несуществующие в них значения. Между тем, изучение грамматической категории рода имеет большое значение для исторической грамматики.

Ни у кого не возникает вопроса, почему в русском языке такое имя существительное, как *мужчина* — мужского рода, а такое, как *женщина* — женского. Но почему *год*, *город*, *сыр* — мужского рода, *стена*, *весна*,

кэлбаса — женского рода, *ибо, лето, поле* — среднего рода. это уже гораздо менее очевидно. Что выражает грамматическая категория рода? Во всех ли языках она имеется? Всегда ли наблюдается подразделение внутри категории рода на мужской, женский и средний род? Вот далеко не полный ряд вопросов, возникающих уже при первом приближении к этой проблеме. Проблема осложняется еще и тем, что грамматическая категория рода даже в тех языках, в которых она отчетливо выражена, очень часто не совпадает по языкам. Так, русский скажет, что *ложка* женского рода, поляк с ним согласится (*łyżka* тоже женского рода), а немец — нет, ибо по-немецки *ложка* мужского рода (*der Löffel*). Русский будет утверждать, что *стул* мужского рода, а испанец станет настаивать на женском роде (*la silla*). Русский ни на минуту не сомневается, что такое слово, как *часовой*, во всяком случае должно быть мужского рода. Поэтому ему покажется невероятным утверждение француза, что *часовой* — женского рода (*la sentinelle*.) Не менее странным может представиться и то, что для дифференциации по роду столь обычных животных, как *козел* и *коза*, англичанин вынужден прибегнуть к местоимениям и сказать буквально так: *он козел* (*he goat*) и *она козел* (*she goat*). Наконец, в ряде языков, например, в финском, армянском и многих других грамматическая категория рода вовсе отсутствует. Таким образом, проблема грамматической категории рода оказывается значительно более сложной, чем это кажется с первого взгляда.

Лектору необходимо, однако, с самого начала сказать своим слушателям, что несовпадение родовых различий по языкам в большинстве случаев относится к неодушевленным предметам и названиям. Такие случаи, как женский род существительного *часовой* во французском языке или средний род таких существительных, как *женщина* (*das Weib*) или *девушка* (*das Mädchen*) в немецком языке, сравнительно редки. Народный язык не считается с этими условностями и придает подобным существительным ту форму рода, которая подсказывается реальным содержанием самих этих слов: женский род таким существительным, как *женщина* и *девушка*, и мужской — таким существительным, как *часовой*. К тому же сами эти условности в литературном языке объясняются исторически. В немецком языке слово *Frauenzimmer* в старую эпоху означало «женскую половину дома» и лишь позднее приобрело новый смысл — «женщина». Само по себе понятие «половина дома» — неодушевленное понятие, которое и могло иметь признак среднего рода, перешедший затем и на название женщины. Ф. Энгельс, имея в виду древнюю афинскую семью, писал: «У Эврипида жена обозначается словом *oikureta*, как вещь для работы по хозяйству (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой»¹⁴.

Таким образом, историческое прошлое многих слов, обозначающих одушевленные предметы, может объяснить нам, как в последующей истории подобных слов образовалось противоречие между их содержанием и признаками их грамматического рода.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что если названия одушевленных предметов в большинстве случаев все же естественно распределяются между мужским и женским родом, то неодушевленные предметы и самое наличие во многих языках особой группы слов среднего рода значительно осложняют всю проблему. Она становится еще сложнее, если привлечь материал многих неиндоевропейских языков. Во многих языках Дагестана (Дагестанская Автономная Республика) не три, а четыре именных класса.

¹⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1949, стр. 64 (разрядка наша. — Р. Б.).

В этих языках принцип распределения имен по классам в основном состоит в том, что к первому классу относятся имена существительные «разумные» мужского пола, ко второму — женского, к третьему — названия животных, к четвертому — названия неодушевленных существительных.

В некоторых языках восточной Африки еще больше классов. Так, например, есть особая категория для предметов и явлений, выражающих идею чего-то «большого и сильного» (например, *дерева* и *слона*) и особая категория для предметов и явлений, выражающих идею чего-то «маленького и слабого» (например, *мышь* или *травы*).

Категория грамматического рода в разных языках выступает по-разному. В одних языках она сохраняет известные связи с родовой классификацией имен, в других (например, в дагестанских языках) — она приобретает гораздо более широкое значение именной классификации вообще. Истоки этой категории уходят в глубокую древность.

Именная классификация, повидимому, возникла в связи с тем, что древний человек своеобразно членил и группировал окружающие его предметы. Помимо того, что он мог различать существа мужского пола и существа женского пола, он прибавлял к этой группировке многочисленные другие группировки предметов, существ и понятий по признаку их одушевленности и неодушевленности, размеров и степени важности, конкретности и абстрактности и т. д. и т. п. Вот почему до сих пор во многих языках именная классификация одновременно основывается как бы на разных признаках: родовая классификация пересекается с классификацией по признаку одушевленности и неодушевленности, «разумности» и «неразумности» и пр. Таковы, повидимому, исторические истоки сложной именной классификации и ее частной разновидности — классификации по признаку рода.

Деление имен по признаку так называемого одушевленного и неодушевленного класса можно обнаружить и в грамматических построениях многих европейских языков. Так, мы говорим по-русски *он позвал брата* (в существительных одушевленных с основой на согласную винительный падеж — *брата* — совпадает с родительным), но *он раздавал стекло* (в существительных неодушевленных винительный падеж — *стекло* — совпадает уже не с родительным, а с именительным падежом). И в испанском языке конструкция с одушевленными именами отличается от конструкции с неодушевленными именами: *la madre ama á la hija* «мать любит дочь», — предложение с предлогом *á*, но *la madre ama el libro* «мать любит книгу»: те же грамматические отношения уже выражены без предлога, ибо существительное *книга* — неодушевленное.

В своем последующем длительном развитии именная классификация претерпела очень существенные изменения. Первоначально конкретные показатели при имени, эти конкретные показатели делались постепенно все более абстрактными, приобретали все большую грамматическую отвлеченность. В результате длительного и очень сложного развития, не все этапы которого возможно последовательно проследить, так как они уходят в очень глубокую древность, во многих современных языках образовалась чисто отвлеченная система именных признаков, отвлеченная категория грамматического рода.

Категория грамматического рода приобретает (хотя и не всегда) несколько условное грамматическое значение в тех случаях, когда речь идет об именах неодушевленных. Все попытки истолковать род таких имен, исходя из их «общественно-хозяйственной функции» нельзя не признавать попытками вульгарно-социологическими. «Содержание, — учит И. В. Сталин, — без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду её отставания от своего содержания, никогда *полностью*

не соответствует этому содержанию, и, таким образом, новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними»¹⁵. Содержание неодушевленных имен существительных теперь как бы не нуждается ни в какой родовой характеристике, однако во многих языках эта характеристика является для имени все же совершенно обязательной, что и приводит к своеобразному конфликту между вещественным содержанием имени и его родовым показателем. В языке, в силу очень большой устойчивости грамматической формы и ее отвлеченности, подобный конфликт может очень долго сохраняться, ибо говорящий обычно не замечает его, проходит мимо него¹⁶.

Вместе с тем, в той своей части, в какой категория грамматического рода совпадает с представлением о мужском и женском «начале» в природе и обществе, сама классификация продолжает поддерживаться реальными жизненными различиями.

Не случайно, например, что когда произносят такие слова, как *дитя* или *ребенок*, половое различие обычно не имеет еще такого значения, какое оно приобретает при противопоставлении *мальчика* и *девочки* и, в еще большей степени, — *мужчины* и *женщины* (наблюдение А. А. Шахматова). Но, как правильно заметил еще Потебня, «о том, имеет ли род смысл (в современных языках. — Р. Б.), можно судить по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться», например, по произведениям художественной литературы, по произведениям поэтическим¹⁷. В самом деле, обратимся к литературным примерам, чтобы лучше понять, какие реальные представления поддерживают категорию рода, давая, в частности, возможность писателям и сказителям использовать ее в определенном замысле. Приведем здесь лишь отрывок из народной «Песни о рябине»:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая *рябина*,
Головой склоняясь
До самого тына?
А через дорогу
За рекой широкой
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.
Как бы мне, *рябине*,
К *дубу* перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться и т. д.

Легко заметить, что женский род существительного *рябина* и мужской род *дуба* дают возможность создать необходимое в этом случае противопоставление, проходящее через всю песню и органически входящее в ее основной замысел (*рябина*, тоскующая по *дубу*, и *дуб*, любящий *рябину*).

Таким образом, грамматическая категория рода оказывается прозрачной в тех случаях, в которых она поддерживается реальными значениями слов, а также в различных случаях в языке поэтическом, когда мысли нашей представляется возможность сосредоточиться на этой категории. В остальных случаях категория рода приобретает отвлеченное грамматическое значение, не столько вытекающее из семантики самих существительных, сколько из морфологического своеобразия целых словосочетаний или даже предложений. Для современного русского языка мужской род таких имен существительных, как, например, *стол* или

¹⁵ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 317.

¹⁶ Мы говорим, например, *солнце всходит* и *солнце заходит*, хотя прекрасно понимаем, что солнце никуда не «ходит» и что земля вращается вокруг солнца, а не солнце — вокруг земли.

¹⁷ См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, 1899, стр. 616.

дом, или женский род таких существительных, как *ложка* или *тарелка* — это уже известная абстракция, но абстракция, имеющая большое грамматическое значение. Для такого языка как русский это последнее обнаруживается, в частности, в обязательном и строгом согласовании (морфологическое значение категории рода).

Так, грамматическая категория рода, возникнув в глубокой древности, поднялась в процессе длительного развития языка на высокую ступень отвлеченного грамматического значения. Вместе с тем это отвлеченное грамматическое значение придает категории рода особую подвижность. В системе грамматической категории рода, в которой теперь как бы пересекаются разные линии грамматического развития (собственно родовая классификация имен, классификация по признаку одушевленности и неодушевленности, классификация по типу морфологического согласования, уже совсем независимо от пола обозначаемых существ, от признаков одушевленности и неодушевленности и т. д.), образуется тонкое сплетение «вещественных», грамматических и стилистических оттенков и значений. Задача лектора и лингвиста — разграничить эти значения и вместе с тем показать их взаимодействие.

*

Проанализированный материал показывает, как сложны подчас отношения между грамматическими и лексическими значениями в системе языка. Значения эти и взаимодействуют, и различаются одновременно. Их взаимодействие определяется тем, что сам строительный материал языка, его словарный состав, лишь благодаря грамматике получает стройный осмысленный характер. Различие же их обусловлено спецификой каждого «ряда»: спецификой грамматики в отличие от специфики лексики.

Очень существенно обнаружить и другое — многообразие типов грамматической абстракции¹⁸. Сравним для этой цели, хотя бы кратко, грамматическую категорию рода с грамматической категорией числа.

Решительно отвергая мнение Дюринга, считавшего, будто бы «чистая математика» имеет дело только с «продуктами своего собственного творчества», Ф. Энгельс писал: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира»¹⁹. И грамматическая категория числа, и сами числительные первоначально возникли из практических нужд человека. Описывая Галлию и Германию в первом веке до нашей эры, Цезарь писал в своих «Записках о галльской войне» (кн. 6, гл. XXV): «Геркинский лес тянется в ширину на десять дней пути для хорошего пешехода; иначе определить его размеры невозможно, так как германцы не знают мер протяжения». Из этого замечания явствует, что древние германцы измеряли пространство «днями ходьбы». Впоследствии из этих практических потребностей возникли меры протяжения, своеобразные единицы счета²⁰.

Реальные истоки категории числа могут быть обнаружены не только в математике²¹, но и в языке. До сих пор во многих современных менее

¹⁸ См. по этому поводу ст. автора: «Проблема специфики языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию». Вестник ЛГУ., 1950, № 7.

¹⁹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1951, стр. 37.

²⁰ Впрочем, старый примитивный счет уже наряду с абстрактным еще очень долго держится и в более позднее время. Ср. у Алексея Толстого («Петр Первый», 1947, стр. 539): «Но взамен вокруг Азова быть русской земле на десять дней верхового пути».

²¹ Ср., например, замечание великого русского математика Н. И. Лобачевского: «Все математические начала, которые думают произвести из самого разума, независимо от вещей мира, останутся бесполезными для математики, а часто даже и не оправдываемы ею». «Материалы для биографии Н. И. Лобачевского», собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский, 1948, стр. 204.

развитых языках, например, в некоторых австралийских, множественное число образуется путем прибавления слова *много* к существительному. Некоторые другие языки вообще не знают неопределенного множества, предпочитая всякий раз выражать конкретное множественное число: двойственное (для предметов), тройственное (для трех предметов) и т. д.²²

Однако постепенно, в процессе исторического развития мышления, понятие о числе делалось все более и более отвлеченным не только в математике, но и в языке. Опирируя сложнейшими понятиями бесконечно малых и бесконечно больших величин, математик уже не думает о конкретно исчисляемых предметах. Объединяя по типу окончания множественного числа столь различные слова, как, например, *шелка́, докторá, борта́, профессорá, тормозá, городá* и пр., говорящий отвлекается от того, что семантика отдельных слов, входящих в этот тип множественного числа, очень различна. *Шелка́* и *докторá* — это совсем различные по своему значению слова, однако они объединяются здесь определенным типом грамматического образования множественного числа (тип на *-а* или *-я*). И. В. Сталин учит: «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности...»²³.

Понятие множественности свойственно самым разнообразным предметам и явлениям. Отсюда и тенденция к объединению самих типов грамматического образования множественного числа. Если практический опыт человека сталкивал его с разнообразными частными случаями множественности (множество камней, множество птиц, множество звезд, множество людей и т. д.), то по мере того как человек приобретал способность абстрагироваться от отдельных случаев частной множественности, у него все в большей степени созревала идея отвлеченной множественности, которая должна была сформироваться и в языке (в грамматике). Мышление человека, определяясь практически деятельностью самого человека, в свою очередь оказывает воздействие на практику. «Сознание человека, — подчеркивает Ленин, — не только отражает объективный мир, но и творит его»²⁴.

Так, исторически отвлекаясь от частного и единичного, от опыта практической жизни, в языке постепенно зреет категория абстрактного числа, абстрактной единичности и абстрактной множественности. Современное единственное и множественное число в грамматике высокоразвитых языков и является продуктом этого сложного развития.

Однако, в системе грамматического числа на пути основного противопоставления единичности и множественности имеется ряд закономерных осложнений. Так, единственное число может выражать не только понятие одного предмета, но и понятие предмета вообще (*дом, книга*), а множественное число, передавая множественность, обычно вовсе не указывает на точное число упоминаемых предметов (*дома, книги* — неизвестно, сколько именно домов и сколько именно книг). *Человек* это не только данный человек — Иван или Петр, но и человек вообще. Суждение «человек смертен» передает одновременно и то, что каждый человек смертен, и то, что все люди смертны. Когда мы говорим: «на площади было много людей», мы прибегаем ко множественному числу (*люди*), но не указываем при этом точного числа: 10, 200 и т. д. Эти осложнения лишь подтверждают важную диалектическую особенность языка, неоднократно

²² В отдельных высокоразвитых языках двойственное число может сохраняться пережиточно. В этих случаях оно несколько не препятствует выражению абстрактного множества.

²³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

²⁴ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 184.

отмечавшуюся В. И. Лениным, — способность языка выражать общее и отдельное одновременно.

В современных индоевропейских языках противопоставление и связь единственного и множественного числа являются как бы основным стержнем, формирующим категорию грамматического числа. А. М. Пешковский тонко заметил, что в тех случаях, когда множественное число обычно не образуется, например, от слова *мукá* или *ухá*, но когда почему-либо нам нужно искусственно его образовать, «мы скорее скажем *мúки*, *у́хи* (в смысле разных сортов мук и разных сортов ухí), чем *муки́*, *ухи́*, инстинктивно стремясь отличить этим способом множественное число от единственного»²⁵. Противопоставление и связь единичности и множественности как бы перекрывает и отодвигает на задний план другие возможные противопоставления и связи между единственным числом и собирательным, между двойственным и множественным числом и т. д.

Так категория числа, возникнув из реальных жизненных представлений человека, претерпела целый ряд осложнений и в грамматике языка получила сложное отвлеченное значение. И все же по сравнению с грамматической категорией рода грамматическая категория числа представляется гораздо более «прозрачной», ибо исторические причины, вызвавшие ее к жизни, очевидны, и все последующее ее развитие может быть достаточно тщательно прослежено. Кроме того сама категория числа, несмотря на всю ее сложность, оказалась гораздо более целостной, чем категория рода, в которой родовые признаки как бы сгущались и перепутались с разнообразными другими признаками имени, переросли в многообразную именную классификацию.

Сравнение грамматической категории числа с грамматической категорией рода должно показать, что «разные грамматические категории обнаруживают разные степени абстрагированности от частного и конкретного, и грамматика, рассматривая эти категории в их живом движении, во всех формах их выражения, не может уклониться от определения самого характера охвата ими лексического материала»²⁶. Вместе с тем, это же сопоставление должно вновь и вновь подчеркнуть своеобразие грамматических явлений по сравнению с явлениями лексическими.

*

В результате проделанного на конкретном материале отдельных языков анализа лектор может вновь возвратиться к рабочему определению самих грамматических категорий, как грамматических понятий, находящихся себе морфологическое или синтаксическое выражение в языке и сохраняющих (в большей или меньшей степени) многообразные, хотя и противоречивые связи с определенными типами слов и словосочетаний, через посредство которых и передаются сами эти грамматические категории.

Проанализированный материал показывает, как сложны подчас отношения между грамматическими и лексическими значениями в системе языка. Значения эти и взаимодействуют, и различаются одновременно. Их взаимодействие определяется тем, что сам строительный материал языка, его словарный состав, лишь благодаря грамматике получает

²⁵ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, 1938, стр. 51 (разрядка наша. — Р. Б.).

²⁶ В. В. Виноградов, Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания, Материалы объединенной научной сессии Академии Наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию, М, 1951, стр. 79.

«стройный, осмысленный характер». Различие же их обусловлено спецификой каждого «ряда»: спецификой грамматики в отличие от специфики лексики.

Мы затронули лишь некоторые вопросы, относящиеся к постановке и преподаванию «Введения в языкознание» в нашей высшей школе. А таких вопросов возникает немало. Их широкое обсуждение помогло бы улучшить чтение этого важнейшего курса. Сейчас, когда основные теоретические проблемы советского языкознания нашли такое глубокое и широкое освещение в работах И. В. Сталина, все советские лингвисты получили возможность не только успешно исследовать различные языки, но и непрерывно совершенствовать свои лекционные курсы.
